

СЛОВО О РЕМАРКЕ

Наталья Лейтес

Не так давно мне посчастливилось купить несколько книг Ремарка. И среди них – впервые изданный роман «Земля обетованная» о немце-антифашисте, эмигрировавшем из Европы в Америку во время Второй мировой войны. Роман этот только в конце 90-х пришел к читателям, – прежде они и не подозревали о его существовании. Писатель скончался в 1970-м году в возрасте 72-х лет от сердечного приступа, не завершив работы над этим произведением. Остались три редакции основного текста романа и заметки с разными вариантами финала. К русскому переводу романа и, по-видимому, к изданиям на других языках варианты финала приложены, так что читатели получают относительно целостное представление об этой книге. Она оставляет сильное впечатление и кажется самой зрелой, глубокой и драматичной из всего, что довелось мне читать у Ремарка. Книга написана от первого лица, повествование пронизано отрывками воспоминаний и размышлений, оно многослойно, поток внутренней жизни героя, вбирая сиюминутные впечатления, сплавляет их с его жизненным опытом немецкого эмигранта-антифашиста.

Ремарк стал известен в России, как и во всем мире, благодаря ошеломительному успеху его романа «На Западном фронте без перемен», посвященного «потерянному поколению», т.е. тем, кто, родившись на рубеже 19-го и 20-го веков, сразу же после школы были брошены на поля сражений и лишены возможности нормального самоопределения и развития. К этому поколению принадлежал и Ремарк. Тогда же переведенный на многие языки, изданный невиданным тиражом (тираж этого романа можно сравнить разве что с общим количеством изданных за все годы произведений Шекспира или даже с тиражом Библии, от которого эта книга отстала не намного), роман принес Ремарку всемирную славу и обеспечил его на всю последующую жизнь. Он мог теперь помогать нуждающимся деятелям культуры, что он и делал, причем анонимно. Но тот же роман и его экранизация послужили причиной лишения писателя гражданства на родине, обрекли его на пожизненную эмиграцию и превратили в гражданина мира. Это расширило его видение современности, но породило специфические трудности в его работе как немецкого автора.

Жил Ремарк то в Швейцарии, где приобрел дом на берегу озера, то в США, где в 1947-м году получил гражданство. Писатель был связан с Голливудом, поскольку все его романы экранизировались. Ставились также фильмы по специально написанным им сценариям. Но американцем в полном смысле слова он не стал. Не раз и подолгу бывал он в Италии, во Франции.

Ремарк писал не только о немцах, но, прежде всего, о них, писал на своем родном языке, годами живя в другом языковом окружении. Про-нацистская критика упрекала его в незнании того, о чем он пишет, пытаясь уверить, что в Германии на самом деле вовсе не так страшно. Но Ремарк знал, о чем он писал. Он не раз ездил в Берлин, чтобы своими глазами увидеть, какими стали немцы в условиях власти нацизма и что им предстоит, чтобы вернуть себе доверие и уважение других народов.

В литературе о Ремарке отмечалось, что его произведения, созданные после антивоенной диалогии «На Западном фронте без перемен» и «Возвращение», нигде не пользовались таким успехом, как в России. Для русскоязычных читателей Ремарк действительно был и остается одним из любимых зарубежных авторов. Его книги в переводе на русский неоднократно издавались и продолжают издаваться. Прежде, когда Россия была частью СССР, читатели, видимо, осознанно или не очень, ощущали близость гитлеровского и сталинского режимов, и это усиливало их интерес к Ремарку. Интерес этот снизился, заслоненный увлеченностью Хемингуэем, писателем, более

политизированным и потому более созвучным тем временам. В нынешнем же восприятии Ремарка акцент сдвинут в сторону проблемы человечности, а в этом вряд ли кто-либо смог бы его заслонить.

Герой романа «Земля обетованная» – немец, бежавший из гитлеровской Германии и нелегально проживший годы в других европейских странах, где ему приходилось скрываться и от немецких нацистов, и от местных властей. Он жил под чужим именем, с чужим паспортом, не имея ни вида на жительство, ни разрешения на работу. В годы Второй мировой войны он, вследствие обстоятельств, трагических для того, кто безвозмездно отдал ему свои билеты на теплоход (эта история составляет содержание романа «Ночь в Лиссабоне»), добрался до США. С этого момента начинается сюжетное развитие «Земли обетованной». На обложке русского издания романа прямо на планете Земля, сухой, потрескавшейся, голой, спиной к читателям сидит герой, устремив взгляд на возвышающуюся на горизонте Статую Свободы. Эта картина прочитывается как ситуация Человека перед лицом холодного, равнодушного мироздания.

В центре системы образов романа – разнорасовая и разновозрастная группа людей, бежавших в разные годы из разных мест: кто в 17-м – из России от большевиков, кто в 30-х – из Германии от нацистов. Все они – нелегалы и не имеют никаких утешительных перспектив. В скромной гостинице с говорящим названием «Мираж» соседствуют одинокие люди, оторванные от родной почвы, от близких. Уклад их жизни довоенного времени разрушен войной, обнищанием, падением нравственных и социальных устоев, хаотичностью событий. Они вынуждены постоянно скрываться от преследований и угрозы уничтожения и не решаются мерить отпущенную им жизнь больше, чем немногими днями наперед. Водка поддерживает самообладание и кураж, самоирония способствует сохранению самоуважения. Но кто-то уже дошел до последней черты, ему больше не за что уцепиться в жизни, – так возникают самоубийства.

Все это напоминает Землю или другую планету после вселенской катастрофы из какого-нибудь научно-фантастического произведения о гибели цивилизации и начале нового круга развития для немногих ее обитателей, чудом оставшихся в живых. Ремарка волнуют место и судьба человека не только на Земле, но и в мироздании.

Еще до романа «На Западном фронте без перемен» Ремарк во множестве писал стихи и рассказы. Полного собрания его сочинений, насколько я знаю, пока не существует. В Оснабрюкке, немецком городе, где Ремарк родился, собран его архив. Это позволяет надеяться, что со временем мы узнаем о Ремарке много больше, чем знаем теперь. Но и теперь в его известных нам произведениях увидено далеко не все, что в них на самом деле содержится.

Ремарк писал романы еще до того, как в нем активизировались впечатления о Первой мировой войне, солдатом которой он стал, будучи призванным в армию сразу же после школы. Но о войне он писать еще, видно, не мог, хотя и пытался. На фронте Ремарк получил пять ранений, попал в лазарет. Тогда же он близко столкнулся со смертью, и не только во фронтовых условиях. 19-ти лет он потерял мать, с которой был духовно очень близок. Она умерла от рака. Ремарк не раз потом в своих книгах изображал молодых и красивых женщин, умиравших от той же беспощадной болезни. Выйдя из госпиталя, Ремарк примерял на себя многие профессии, часто далекие друг от друга: школьного учителя, автогонщика, продавца надгробных памятников, тапера, редактора периодических изданий, журналиста и др. Он писал и рассылал по разным издательствам свои стихи, статьи и рассказы, стремясь укрепить свое шаткое материальное положение. Позднее он возвращался к этим ранним сочинениям, развивая их мотивы в своих новых произведениях.

Военные впечатления активно зазвучали в произведениях Ремарка только на рубеже 20х-30-х гг. Тут, видно, сказалась некая психологическая закономерность, о которой в 58-м году писал Давид Самойлов, сражавшийся в сороковых на фронтах Второй мировой войны:

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.
.....
Как это было! Как совпало—
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось! . .

С писателями из разных стран, сражавшимися в юные годы на полях Первой мировой, случилось то же самое. Все они выступили со своими антивоенными произведениями на рубеже 20-30х гг.– и Хэмингуэй (США), и Олдингтон (Англия), и Ремарк (Германия).

Видимо, только к этому времени литература созрела для осмысления сути и судеб «потерянного поколения». И сегодня, в первые годы третьего тысячелетия, размышляя о Ремарке, жизнь которого оборвалась несколько десятилетий назад, мы видим, как он был независим в своих убеждениях, как отважен, высказывая их. Он писал о дружбе, взаимопомощи, о людях, которым доверял больше всего и чью естественную, природой дарованную человечность и ответственность друг за друга предпочитал любым идеологиям и навязанным сверху действиям.

Своих героев он изображал не со стороны, а изнутри, предоставляя слово им самим, – прямая речь в его прозе заметно преобладает над описанием. В его таланте была сильная драматургическая струя. Дарование Ремарка было проникнуто также светлым лиризмом, – для меня несомненно, что его проза несет в себе истинную поэтичность. Не зря недавно вышедшее из печати собрание писем Ремарка к актрисе Марлен Дитрих, с которой у него были близкие отношения в течение ряда лет, называют лучшим любовным романом XX века. Марлен Дитрих, немка, покинувшая Германию, подобно Ремарку, не пожелала жить под властью нацистов. Она стала работать в Голливуде, приобрела известность.

Ремарк, как свидетельствуют воспоминания о нем, обладал неотразимым обаянием и был человеком очень теплым и отзывчивым. Он был далек от аскетизма, увлечений у него было немало, но примитивным завоевателем женщин он никогда не был. Ремарк был дважды женат. В 1925 г. он вступил в брак с актрисой Ильзой Юттой Цамбона, в 30-х они расстались, но вскоре он снова женился на ней, чтобы уберечь ее от депортации из Америки, и только после этого развелся окончательно. В 1958 г. Ремарк женился на актрисе Полетт Годдар, бывшей прежде женой Чарли Чаплина, и прожил с ней до конца своих дней.

Ремарк не был самоуверен. Он был ошеломлен успехом своего первого антивоенного романа, считал этот успех «несоразмерным», а себя – начинающим автором, которому еще предстоит доказать и самому себе, и читателям право именоваться писателем. Его последующие произведения подтвердили, что он этого достоин, но самоуверенности он так и не обрел. Ему было что сказать, и он умел сказать то, что хотел, но это не вскружило ему голову. Он обладал большим и своеобразным талантом, включавшим психологическую проникновенность, а также иронию и самоиронию – авторскую и своих героев. Горько ироничен заголовок романа «На Западном фронте без перемен», в котором казенная формула официального сообщения умалчивает о фронтовых жертвах, а ведь гибель даже одного человека – невосполнимая утрата. Генрих Гейне писал, что каждый человек – это целый мир, и мир неповторимый. Ироничен и заголовок рассказа «Враги», где описан фронтовой эпизод дружеского общения солдат двух воюющих между собой армий (немецкой и французской), прерванного немецким

майором, открывшим стрельбу по французам и тем спровоцировавшим ответные выстрелы по немцам. Люди, по сути близкие и понимающие друг друга, бессмысленно друг друга уничтожают. Ремарк обнаруживает истинный смысл явлений, скрывающийся за официальным обозначением, грубо этот смысл искажающим.. Подход к явлению под углом зрения человечности открывает истинное его содержание, причем не только частное, но и соотнесенное с мирозданием. Образные картины Ремарка нередко скрыто символичны и говорят не только об отдельном, но и о всеобщем.

Книги Ремарка зачастую появлялись сначала в переводе на другой язык (английский, датский) и только после этого – в оригинале. Ремарк понимал, что перевод, как бы он ни был хорош, не может полностью сохранить особенности оригинала. Своеобычные ритм и звучание его прозы не могли быть переданы на другом языке, к чему он был очень чувствителен. На титульном листе однотомника, включающего семь его произведений, изданного в 2001 г. в русском переводе в Москве (изданного, к сожалению, неряшливо, с грубыми ошибками), напечатано: «Тема моя – человек нашего века...». Многоточие, прерывающее мысль Ремарка, делает ее расплывчатой. Но расплывчатость не была присуща Ремарку, он знал, что он хочет сказать, потому что исходил из простой и ясной предпосылки – из меры человечности. Он изображал и людей, и нелюдей, но свое внимание и любовь отдавал гонимым, а не гонителям. Он много писал об эмигрантах – о тех, для кого независимость, терпимость и отзывчивость были дороже карьеры и благополучия, писал о евреях, которых нацисты пытались уничтожить под корень, об эмигрантах из России еще со времен революции и гражданской войны, о людях разных национальностей, попавших в мясорубку истории. Его герои скитались без документов, без крова, без легальной работы, им постоянно грозили тюрьма, лагерь, пуля или газовая камера. Они должны были постоянно скрываться, маскироваться. При этом они в большинстве своем оставались людьми даже в нечеловеческих условиях и старались помогать друг другу, чем могли. Их судьба, как и общая картина, говорили о вселенском разрушении традиционных связей и устоев. В центре «Земли обетованной» – группа людей, но не семья, не клан, не старые друзья, не сослуживцы, а отдельные особи, одинокие люди, вырванные из привычного окружения и условий жизни и оказавшиеся в некоем чуждом им, безграничном пространстве. Во внутреннем монологе героя сплетаются сиюминутные впечатления и весь его нелегкий жизненный опыт. Как правило, повествование ведется от его имени, и оно лично окрашено. Иногда это коллективный герой, и тогда в повествовании господствует местоимение «мы», но оно, как правило, сменяется героем индивидуальным. Так это происходит в романе «На Западном фронте без перемен», в финале которого местоимение «мы» вытесняется изображением убитого Пауля Боймера, от имени которого, как выясняется, велся рассказ.

В романе «Три товарища» (1937) – одной из наиболее впечатляющих книг Ремарка – речь идет о вчерашних солдатах, пытающихся найти свое место в послевоенной Германии в обстановке разрухи. Герои – носители истинной человечности и благородства. Их отношения друг к другу и к Патриции Хольман, любимой одного из них, умирающей от туберкулеза, – воплощение той чистой и действенной дружбы, которой людям нашего времени порой так не хватает.

Романы «Возлюби ближнего своего» (1941) и «Триумфальная арка» (1946) посвящены судьбам беженцев из гитлеровской Германии. Последний был особенно высоко оценен критикой и читателями. Место действия – предвоенный Париж. Герой романа – немецкий хирург, скрывающийся под именем Равика и нелегально оперирующий больных, появляясь у операционного стола, когда больной уже спит под наркозом и не может его увидеть. Операционная же принадлежит другому, легально практикующему, но менее квалифицированному врачу, который отдает Равику часть получаемого гонорара. В финале романа, с началом Второй мировой войны, Равика

арестовывают во время облавы и отправляют, очевидно, в лагерь для интернированных лиц.

Ремарк сосредоточивался на индивидуальности, а не на людском множестве. При такой направленности зло у Ремарка тоже концентрируется в индивидууме, в том, кто самоутверждается, истязая, унижая и уничтожая других. В относительно ранних романах писателя герой стремился тут же уничтожить убийцу. В его более поздних произведениях герой нередко видит в мести за насилие и изуверство по отношению к близкому ему человеку свою главную жизненную цель. Но если герою удается достичь этой цели, он испытывает не удовлетворение, а ощущение утраты смысла жизни. Шиллер, соотечественник Ремарка, в своих ранних драмах создавал героев, прибегающих к насилию ради восстановления справедливости. Но вскоре их постигало раскаяние, и они осуждали себя. Именно такая коллизия предстает в драме Шиллера «Разбойники». У Ремарка в одном из финалов, намеченных к «Земле обетованной», герой, отомстив убийце своего отца, перестает понимать, ради чего ему теперь жить, и убивает себя.

У Ремарка не было готовых ответов на подобные непростые вопросы. Он знал, что не все проблемы разрешимы. Он много размышлял над тем, что есть жизнь и что есть смерть. Его коротенькие и, в большинстве случаев, как бы светящиеся пейзажные зарисовки, вдруг перебивающие размышления героя или диалог, чаще не сопровождают действие, а контрастируют с ним, как бы напоминая о существовании источников тепла и света в мироздании, вопреки разгулу насилия и мраку на земле. А в последнем своем романе устами героя Ремарк формулирует удивительно мудрую и, как может показаться, простую мысль: «... нет таких бездн, где не нашлось бы места счастью, и ...в этом, наверное, и состоит вся тайна выживания рода человеческого».

Ремарк много думал о перспективах немецкого народа. Он понимал, что его народу предстоит пройти через осознание своей вины, через раскаяние и коренное перевоспитание. Народ должен был по своей воле отринуть нацистский лозунг: “Deutschland über alles”. Ремарк был убежден, что его соотечественники сами должны проделать трудный путь своего перевоспитания, чтобы достичь искомого результата, что никакой другой народ не сможет стать наставником и поводырем немцев на этом пути. Но то, что происходило в первые послевоенные годы, не могло радовать Ремарка. Необходимые перемены не могли произойти так уж быстро. Они требовали больших усилий, преодоления сопротивления, изменений уже сложившейся инерции поведения и восприятия вещей. Ремарк видел ложь, своекорыстие, лицемерие, глубоко его возмущавшие. Но он верил, что не все немцы поддались фашистской пропаганде, что были и такие, пусть их было не так много, кто отдал свою жизнь в борьбе с нацизмом, и среди них была сестра Ремарка.. Я думаю, он понимал, что до осуществления его надежд не очень близко. Писатель пережил послевоенный раздел Германии, но не дожился ее объединения. Он не стал просить новые власти о немецком гражданстве, полагая, что с разгромом фашизма гражданство ему должны были вернуть без всяких просьб. Но этого не случилось. Эрих Мария Ремарк, которого Хилтон Тимс, автор книги о жизни и творчестве писателя, назвал последним романтиком, до конца своих дней утверждал общечеловеческие ценности. Когда-то, еще в советские времена, российская критика одобряла Ремарка за антибуржуазную сатиру и упрекала за идеологическую ограниченность. Но Ремарк был мудрее этой критики.

Я помню еще те годы, когда о нем писали в России как об антибуржуазном сатирике, упрекая при этом за недоверие к идеалам и практике пролетарской революции; помню также, что видели в нем романтического лирика. Ценили, конечно, его антивоенную позицию, но корили за пацифизм и, в общем, нередко принимали за наивного недоумка. А был он умен, проницателен и отважен, всегда предельно искренен и на редкость последователен в своих убеждениях, в своем недоверии к любой идеологии, партиям и политике. Он верил в человечность и верил в личность. Он был

недооценен даже в России, где его всегда любили, но плохо видели, как он глубок, масштабен и философичен, как важно для его творчества поэтическое иносказание. Поэтика Ремарка не получила в то время адекватного осмысления, а без этого истинного художника глубоко понять нельзя. Его нет уже 3,5 десятилетия. Но его наследие живо, его охотно читают, и пора, я думаю, осмыслить его по-новому.